

Г. Гуссэ

**Знаменитые куртизанки
древних веков (Аспазия,
Клеопатра и Феодора)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Г11

Г11 **Г. Гуссэ**
Знаменитые куртизанки древних веков (Аспазия, Клеопатра и Феодора) / Г. Гуссэ – М.: Книга по Требованию, 2023. – 142 с.

ISBN 978-5-458-77935-7

Три женщины, три судьбы, три мира. Аспазия, Клеопатра и Феодора составляют триаду великих женщин древнего мира. Каждая из них символизирует свою эпоху, свою цивилизацию, имеющую своим фокусом Афины во времена Перикла, Александрию и Рим в эпоху Гая Юлия Цезаря и Византию в царствование Юстиниана. Вместе с Аспазией мы видим Афины на вершине расцвета их могущества и неограниченную свободу их ревнивой, недоверчивой демократии. Клеопатра соприкасается с двумя мирами. По своим предкам она принадлежит греко-египетскому миру Александрии, расслабленной богатством, роскошью, распутством и обречённой на гибель своей тщеславной царицей. Но по своим любовникам она принадлежит к римскому миру, растратившему в соприкосновении с порабощёнными народами своё могущество, но сохранившему, несмотря на свою испорченность и кровавые драмы, гордость своего имени, непоколебимую твёрдость и неукротимую силу. Феодора – царица Византии той эпохи, когда она находилась в развитии своего военного могущества, порядка управления и народного богатства.

ISBN 978-5-458-77935-7

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

котораго напоминает палатку Ксеркса и гдѣ балками служать мачты персидскихъ трехбаночныхъ галеръ, добытыхъ при Саламинѣ, въ Одеонѣ соревнованіе поэзіи съ музыкою чередуется съ публичными чтеніями Геродота, излагающаго первыя книги своей Исторіи... Воть отрядъ Гоплитовъ, возвращающихся съ маневровъ, встрѣчается на улицѣ Гермеса съ вереницею дѣвушекъ, идущихъ черпать очистительную воду въ фонтанѣ Каллирхое.

Между тѣмъ какъ печальный кортежъ одного изъ послѣднихъ участниковъ Марафонской битвы направляется къ Дишильскимъ воротамъ, отрядъ молодыхъ людей, между которыми видны Аристофанъ, Фразибуль, Кононъ, проходить вблизи Пританеи: периполархъ, предводительствующій отрядомъ, подводить ихъ къ престолу Агролы для того, чтобы они принесли здѣсь гражданскую клятву.

... Агора *) еще нѣсколько минутъ тому назадъ была наполнена любопытными, которые останавливались передъ лавочками продавцевъ и на порогѣ, тамъ, гдѣ разсуждаетъ Сократъ и гдѣ обличаетъ Тимонъ. Теперь площадь пустынна. Послѣ провозглашенія герольда и приближенія стрѣлковъ, граждане бѣгутъ въ Пниксъ слушать Оукидиду, сына Мелезія, и Перикла, сына Ксантиппа. Нѣсколько часовъ позже толпа тѣснится на набережныхъ Пирея; работающіе на верфяхъ прерываютъ свою работу, матросы коммерческихъ судовъ прекращаютъ выгрузку бурдюковъ съ хіосскимъ и лесбосскимъ винами, мало-азіатскихъ тканей, понть-эхинскаго дегтя, евбейской ржи; они прерываютъ нагрузку кожъ, глиняной посуды, духовъ, масла, меда и финиковъ. Они поднимаются на палубу, взбираются на веретено якорей... Но вотъ картина достойная того, чтобы ею залюбоваться: это—побѣдоносная эскадра, возвращающаяся въ военный портъ.

Наступаетъ вечеръ, солнце прячется за Эгалейскою горою, бросая на горы Аттики красные и лиловые лучи. Группы рабовъ уходятъ изъ заводовъ и мастерскихъ. Протагоръ, Зе-

*) Базарная площадь.

ионъ, Дамонъ отпускаютъ своихъ учениковъ; Антифонъ зажигаетъ лампу дляочной работы; астрономъ Метонъ начинаетъ свои наблюденія. Диктеріады держа во рту вѣточку миrtle, показываются на порогѣ своихъ домовъ; молодые евпатриды, запитники и игральщицы на флейтѣ нахлынули въ Керамикіе сады. Алкивіадъ, голова котораго украшена фіалками и золотистыми кобылками, волочить по землѣ омощоръ и проходить черезъ середину агоры; онъ званъ на ужинъ, конецъ котораго предвидится къ восходу солнца. Перицъ, привѣтствовавшій въ тотъ же день народъ въ Пниксѣ, предсѣдательствовалъ въ военному совѣтѣ, перерабатывалъ съ градоправителями и казначеями проектъ бюджета и теперь возвращается домой. Аспазія здѣсь: она ведеть філософскіе разговоры съ Анаксагоромъ, говорить о нравственныхъ вопросахъ съ Сократомъ, разсуждаетъ о поэзіи съ Харисомъ, о гигіенѣ съ Гиппократомъ, объ эстетикѣ съ Фидіемъ. Перицъ цѣлуєтъ ее въ любъ, какъ онъ дѣлаетъ каждый день: утромъ—уходя, и вечеромъ—возвращаясь домой.

Аспазія—„Юнона Перикла Олимпійца.“ Она царствуетъ въ Аепнахъ своею красотою и умомъ. Женскій теремъ она превращаетъ въ свѣтскую гостинную. Аспазія имѣть свой дворъ въ этой демократической странѣ; она пользуется полной свободою въ этомъ городѣ, законы и нравы котораго навзываютъ женшинѣ постоянную опеку; Аспазія заботится объ этой столицѣ, хотя сама она въ ней иностранка.

II.

Такова Аспазія въ воспоминаніи или, вѣриѣ, такою она обрисовывается въ нашемъ воображеніи. Какъ только начать болѣе точно останавливаться на чертахъ этой женщины для того, чтобы перевести ее изъ области грёзъ въ сферу реальной жизни—она теряетъ свой колоритъ, блѣднѣетъ, исчезаетъ. Невѣрный портретъ скрываетъ идеальное видѣніе. Какъ

личность историческая, Аспазія побуждает къ изслѣдованию, но не поддается анализу. Она остается въ неопределенности, и ее надо въ ней оставить, такъ какъ только тогда ее можно узнать. Всякое изслѣдование, въ которомъ старались бы выяснить ея жизнь послѣдовательнымъ образомъ, определить ея характеръ, выяснить ея философскія и нравственные воззрѣнія, всякое такое изслѣдование противорѣчило бы истинѣ. Равнымъ образомъ нельзя определить родъ ея красоты. Преданіе не говорить объ этомъ ничего, и попытки живописи и скульптуры изобразить Аспазію, навѣрно, вполнѣ неудачны. Всякому предоставляется право воображать себѣ Аспазію, какъ самую красивую изъ парѳенонскихъ коргиноносицъ или какъ самую грациозную изъ женщинъ-вѣрницъ подземнаго кладбища въ Танагрѣ *).

Свидѣтельства, оставленныя древностью относительно Аспазіи, совершенно противорѣчать другъ другу. Если вѣрить приверженцамъ школы Комуса и ихъ толкователямъ, а частью и самому Плутарху, то Аспазія была простая гетера, не-много болѣе интеллигентная, нѣсколько болѣе ученая, способная и слегка лицемѣрнѣе, чѣмъ другія гетеры. Сначала она была куртизанкою въ Мидетѣ, потомъ куртизанкою въ Мегарахъ, затѣмъ пришла въ Аѳины и познакомилась съ Шерикломъ. Она обольстила его тѣми средствами, которыми обольщаются мужчины подобные ей гетеры. „Распутство,

*) Бюсты Аспазіи въ Луврѣ и Берлинѣ далеко не достовѣрны. Бюстъ, находящійся въ Ватиканѣ,—въ духѣ греко-римского искусства и, вѣроятно, былъ сдѣланъ по заказу какого-либо богатаго римлянина для украшенія своей библіотеки. Слава Аспазіи, какъ женщины-философа, подтверждается тѣмъ, что бюсты ея находятся среди бюстовъ Писагора и Антистена.

Гроновій, въ первомъ томѣ своихъ *Antiquités grecques* (стр. 83) даетъ другой псевдо-портретъ Аспазіи. Это камень, на которомъ представлена аѳинянка въ шлемѣ, съ надписью Аспазос. Но врядъ ли какому-нибудь греку пришла бы мысль изобразить Аспазію аѳинянкою: что же касается надписи, то она обозначаетъ, вѣроятно, просто имя гравера, Аспазоса или Аспазоса, о которомъ говорится у Sillig'a (*Catalog. Antif. p. 100*).

говорить поэтъ Кратинусъ,—создало для Перикла Юонун-Аспазію, его защитницу съ глазами собаки”.

Когда Аспазія увидѣла, что начинаетъ стариться и стала опасаться, что начинаетъ пріѣдаться Периклу, она занялась старымъ ремесломъ. Она приглашала въ свой домъ куртизанокъ, свободныхъ и рабынь и даже замужныхъ женщинъ для того, чтобы познакомить ихъ съ своимъ другомъ. Свою любезностью Аспазія пріобрѣла неограниченную власть надъ Перикломъ, разорила его незамѣтно для него самого, посовѣтовала ему предпринять двѣ войны и заставила его пожертвовать благомъ государства и покоемъ Греціи для частныхъ интересовъ и личной вражды.

Согласно другимъ свидѣтельствамъ, указываемымъ и распространеннымъ новѣйшими защитниками Аспазіи, эта знаменитая женщина сосредоточивала въ себѣ самыя рѣдкія достоинства. Ея невинность выше всякихъ подозрѣній, и къ классу куртизанокъ ее относять только вслѣдствіе ея оригинальности. Съ Гнаеной и Лайсою она не имѣеть ничего общаго. Она—поэтъ, философъ, ораторъ, государственный человѣкъ. Изъ Милета въ Аѳины она пришла со специальною цѣлью преподавать искусство мыслить и краснорѣчиво говорить. Аспазія была для Перикла не столько любовницей, сколько наставницей. Она преподавала ему политику и ораторское искусство такъ же, какъ она Сократа учила діалектикѣ. Не будь несравненной Аспазіи, Сократъ не умѣлъ бы размышлять, а Периклъ не былъ бы въ состояніи говорить и управлять государствомъ. Прекрасная мрачная рѣчь, сказанная Перикломъ во второй годъ Пелопонесской войны, была сочинена Аспазіей. Съ высокими достоинствами человѣка Аспазія совмѣщаетъ всѣ добродѣтели женщины. Она умна, разсчетлива, дѣятельна, послушна. Она научаетъ жену Ксенофонта обязанностямъ супруги, она объясняетъ женѣ Искомакоса, какимъ образомъ слѣдуетъ вести хозяйство, для каждой посѣтительницы у нея есть хороший совѣтъ и урокъ нравственности, она служить образцомъ для аѳинскихъ матронъ.

Очевидно, приверженцы обоихъ воззрѣній на Аспазію хва-

таютъ черезъ край. Но есть доля правды и въ юдкой критикѣ Комаковѣ, и въ панегирикахъ ея защитниковъ. Аспазію можно помѣстить въ разрядъ женщинъ философовъ, но по этой причинѣ она нисколько не исключается изъ среды куртизанокъ.

III.

Милетъ, гдѣ родилась Аспазія, отцомъ которой былъ иѣ-кій Аксіокось, былъ одинъ изъ цвѣтушихъ прибрежныхъ іонійскихъ городовъ. Слава его была основана на прошлыхъ военныхъ удачахъ; промышленность и торговля составляли его богатство; а богатство имѣло слѣдствіемъ распущенность правовъ Милета. Будучи отечествомъ Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена, городъ этотъ также былъ знаменитъ своимъ обиліемъ куртизанокъ, какъ и философовъ. Милетъ былъ для Іоніи въ одно и то же время и Коринеомъ, и Аeinами; онъ былъ лучшою школою для Аспазіи, гетеры-философа. Въ Милетѣ Аспазія вела жизнь куртизанки благоразумнаго поведенія и по виду неприступной. На Аспазію дѣйствовалъ примѣръ Фаргеліи, у которой было четырнадцать любовниковъ, градоначальниковъ, и умершей женой тирана въ Фессали; поэтому Аспазія дарила своими ласками только первыхъ гражданъ.

Но по какимъ причинамъ и при какихъ обстоятельствахъ Аспазія пришла въ Аeinны? Въ какомъ году и сколькихъ лѣтъ отъ рода прибыла она туда? Чтобы отвѣтить на эти вопросы недостаетъ документовъ, и критика не можетъ помышлять отвѣтить на нихъ. Можно только утверждать, что Аспазія поселилась въ Аeinнахъ раньше LXXXV олимпіады (440 — 437 до Рожд. Христ.), въ каковую эпоху уже началась ея связь съ Перикломъ. Слѣдя Плутарху, читавшему сократики и, быть можетъ, придававшему черезъ-чуръ большое значеніе ихъ увѣреніямъ, Перикль былъ обольщенъ знаніями и умомъ Аспазіи. Не сомнѣваясь въ интеллектуальныхъ досто-

инствахъ этой знаменитой женщины, все же можно думать, что Перикль былъ не менѣе плѣненъ и ея красотою, и любезностью. Аѳинянинъ сначала взялъ Аспазію себѣ въ любовницы, затѣмъ, разведясь со своей женою по взаимному соглашенію, онъ ввелъ Аспазію къ себѣ въ домъ и открыто жилъ съ нею.

Слѣдуетъ ли вѣрить современнымъ защитникамъ Аспазіи, что Перикль женился на мильтской гетерѣ? Фактъ этотъ, по меньшей мѣрѣ, невѣроятенъ. Въ Аѳинахъ всякий гражданинъ имѣлъ полную свободу жить съ любою куртизанкою, какова бы она не была. Но законъ воспрещалъ ему формально жениться на иностранкѣ. Онъ могъ сдѣлать это только на основаніи ложнаго свидѣтельства, такъ какъ передъ религіозной церемоніей онъ долженъ былъ выполнить формальность предписанную закономъ (εγγόη). Если позже было признано, что показаніе на судѣ, записанное публичнымъ актуаріусомъ, было ложно, оба супруга рассматривались какъ соучастники и рисковали быть привлеченными передъ дикастеріонъ. Законъ полагалъ строгія кары: жена продавалась въ рабство, мужъ платилъ большой штрафъ и терялъ гражданскія права; дѣти объявлялись незаконорожденными и лишались названія аѳинянъ. Не мало людей темнаго происхожденія съ успѣхомъ пользовалось ложными свидѣтельствами и обманывало правительстvenныхъ актуаріусовъ относительно національности своей невѣсты, и если они не вмѣшивались въ политическую борьбу, то имъ впослѣдствіи нечего было особенно бояться справокъ. Но это было невозможно для такихъ извѣстныхъ людей, какъ Перикль и Аспазія. Если даже Перикль и имѣлъ бы твердость рѣшиться дать ложное показаніе, то онъ не захотѣлъ бы сдѣлать этого. Какъ глава партіи, онъ постоянно могъ ожидать нападеній и всевозможныхъ махинацій со стороны своихъ политическихъ враговъ. Въ этомъ городѣ, гдѣ не было публичного заступничества, всякий гражданинъ могъ затѣять съ другимъ судебное дѣло, поэтому ясно, какое сильное оружіе противъ себя далъ бы Перикль въ руки своимъ противникамъ этимъ запрещеннымъ бракомъ!

Если Аспазія не была удостоена чести соединиться съ Перикломъ бракомъ, то, въ вознаграждение за это, она пользовалась такою свободою, какою не пользовалась ни одна афинянка.

Не подлежитъ сомнѣнію, что предположеніе, имѣющее до сихъ поръ приверженцевъ, будто въ Аѳинахъ женщина терпѣла унизительное рабство, совершенно неосновательно. У себя дома она была полною хозяйкою. Мужъ считалъ-бы смѣшнымъ вмѣшиваться въ подробности хозяйства. Ксенофонтъ въ своемъ сочиненіи „Экономія“ говоритъ, что дѣло мужа зарабатывать деньги, а дѣло жены тратить ихъ. Далѣе онъ сравниваетъ жену съ царицею пчелъ: „она остается въ ульѣ и посылаетъ пчелъ на работу. Она принимаетъ то, что пчелы приносятъ ей, и сохраняетъ провизію до того времени, когда она понадобится. Она руководить постройкою ячеекъ, она заботиться о томъ, чтобы быть накормленъ новымъ роемъ“. Женщина управляетъ домомъ: она распредѣляетъ уроки служанкамъ, раздастъ приказанія рабынямъ, заботится о кухнѣ, подвалахъ и булочной, она посылаетъ за провизіей, затѣмъ выдаетъ ее и приводить въ порядокъ. У нея сохраняется ключъ отъ комнаты, где хранятся всѣ драгоцѣнности, вазы и металлическія чаши, дорогія праздничныя одежды, золотыя венцы, драгоценные камни и деньги. Обычай запрещаетъ ей самой кормить дѣтей, но она нянчится съ ними, играетъ и цѣлуетъ постоянно. Затѣмъ она руководитъ первымъ воспитаніемъ мальчиковъ и полнымъ воспитаніемъ дочерей. Кроме того, афинянка занимается своимъ туалетомъ, требующимъ много времени по своей сложности: она нѣсколько разъ въ день купается, душится благовонными косметиками, смачиваетъ волосы въ эссенціи, пудрить ихъ золотою пудрою, бѣлить и румянить щеки и губы, подводить брови и рѣсицы. Время, остающееся у нея отъ занятія хозяйствомъ, туалетомъ, отъ попеченія о дѣтяхъ, птицахъ, собакахъ, она проводитъ въ прогулкахъ, поѣздкахъ и визитахъ къ подругамъ.

Во время религіозныхъ праздниковъ, столь частыхъ въ Аттицѣ, афинянки пользуются многочисленными и разнообраз-

ными развлечениями. То онъ слушаютъ въ театрѣ Вакха трагедии Эсхила или Софокла, то онъ, въ роскошныхъ нарядахъ, поднимаются въ богатыхъ кортежахъ на Пароенонъ по Пропилейскому подъему. Во время празднествъ въ честь Вакха онъ отправляются переодѣтыя, верхомъ на ослахъ въ лѣса и долины окрестностей Аѳинъ. Во время Стенисовъ онъ на улицахъ и площадяхъ предаются шуткамъ и комическому злословію. Во время Фесмосфорій, онъ исполняютъ въ теченіи двухъ дней религіозные обряды таинственного храма Деметры, куда входъ мужчинамъ воспрещенъ. Во время Фарелій, Адониса, и Элевзиса имѣются другія церемоніи и зрѣлища: процессіи, соревнованіе пѣвцовъ, народныя игры, ристаніе съ факелами, туманныя картины.

Итакъ женщины не были ни рабынями, ни затворницами; они только жили въ общество мужчины. Кромѣ мужа и самыхъ близкихъ родственниковъ, никто не переступалъ порога женского терема. Женщины давали пиры въ своеемъ кругу; когда же мужъ принималъ и угощалъ своихъ друзей, то жена уходила на свою половину. Одинъ фактъ, что женщина присутствовала на пиществѣ мужчинъ, навсегда испортить-бы ея репутацію. Для того, чтобы доказать присяжнымъ, что Нэра—куртизанка, Демосѳенъ говорить только: „Она ужинала и пила вмѣстѣ со Стефаносомъ (ея мужемъ) и его друзьями, какъ настоящая куртизанка“. Такимъ образомъ, свѣтскія отношенія, обѣды и собранія, гдѣ встрѣчаются мыслители съ любезными женщинами, представляющіе одну изъ привлекательныхъ сторонъ нынѣшней жизни, въ Аѳинахъ не существовали. Аѳиняне вознаграждали себя въ этомъ отношеніи съ куртизанками, которыхъ обычай нисколько не стѣсняли.

Мужчины довольствовались ихъ красотою и веселостью, и законы до нихъ, такъ сказать, не касались, такъ какъ онъ, какъ иностранка, были въ закона. Гетера могла жить и поступать, какъ ей было угодно, если только она платила налогъ — метайхонъ, какъ иностранка, и налогъ — парнихонъ, какъ куртизанка; если она не оскорбляла порядковъ столицы, не противодѣйствовала полицейскимъ уставамъ, если она не

дѣлала скандаловъ въ храмахъ и не присоединялась къ толпѣ женщинъ и дѣвушекъ во время народныхъ церемоній. Она могла идти, куда ей вздумается, выходила изъ дома, когда ей нравилось, могла обогащаться, какъ умѣла, и, если хотѣла, могла разоряться.

Начиная отъ гетеръ, владѣвшихъ домами, рабами, драгоценностями, жертвовавшихъ деньгами на банки и фабрики и распоряжавшихъ имѣло свитою поклонниковъ, и кончая ничтожною рабынью, принадлежащей къ касть диктеріадѣ, всѣхъ куртизанокъ обязательно приглашали на пиршества, гдѣ они веселили гостей своими бесѣдами и пѣснями. Многія изъ нихъ отличались веселымъ остроумiemъ и живымъ нравомъ. Если бы кто-нибудь пожелалъ составить сборникъ древне-греческихъ эпиграммъ, то ему пришлось бы столько же взять отъ Гликеріи и Каллистоны, какъ оть Діогена и Аркезила, отъ куртизанокъ столько же, какъ и отъ философовъ. Но умъ всѣхъ куртизанокъ былъ одностороненъ. Съ ними чаще всего случалось, что веселый разговоръ становился наглымъ. У этихъ женщинъ не только недоставало сдержанности, у нихъ не было и умѣнія хранить тайны. Въ такомъ обществѣ было опасно говорить о политикѣ и не было никакой возможности долго вести серіозные разговоры. Это было хорошо для молодыхъ людей, а также для Сократа, умѣвшаго вездѣ приспособиться; но такие дѣятели, какъ Перикль, Анаксагоръ, Дамонъ, Фидасъ, не могли находить продолжительного удовольствія въ обществѣ этихъ болтливыхъ флейтистокъ. Аспазія находилась въ условіяхъ совершенно исключительныхъ: толпа аѳинянъ признавала ее любовницей Перикла, друзья же великаго оратора уважали ее даже, какъ законную жену его. Она въ одно и то же время пользовалась свободою куртизанки и почетомъ супруги. Она могла принимать приближенныхъ Перикла, что признавалось для аѳинянки преступленiemъ; они находили въ Аспазіи собесѣдницу, способную ихъ выслушать и отвѣтить имъ, что не было дѣломъ куртизанки. Такимъ образомъ объясняютъ совершенно своеобразную роль Аспазіи въ Аѳинахъ, ея значеніе у философовъ и сильную,

иѣжную любовь, которую она внушала Периклу. Первая и единственная, быть можетъ, изъ афинскихъ женщинъ, она поддерживала любезное и благородное обращеніе съ выдающимися дѣятелями. Сократъ, Анаксагоръ и Фидій считали ее интеллигентнымъ и искреннимъ другомъ. Для Перикла она была любовницей и женою, усладою жизни, очарованіемъ домашнаго очага; онъ совѣтовался съ нею каждый день, какъ съ вѣрнымъ другомъ; слова ея согрѣвали, любовь утѣшала и иѣжность успокаивала.

IV.

Нельзя управлять республикою болѣе двадцати лѣтъ безъ того, чтобы не стать мишенью всевозможныхъ наговоровъ и не терпѣть всякихъ обидъ, оскорблений. Ораторы Собранія оспаривали государственные распоряженія Перикла, а на частную жизнь его нападали зачинщики агоры и комические поэты, эти журналисты и памфлетисты того времени. Его связь съ Аспазіей была неистощимою темою оскорбительныхъ шутокъ и насмѣшекъ. Аспазію называли Герою нового Олимпіца, Омфаліей и Деянирою нового Геркулеса. Аспазію обвиняли въ томъ, что она изъ дома Перикла, царя сатировъ, какъ называлъ его Гермиппа, устроила настоящій диктеріонъ, наполненный куртизанками всѣхъ сортовъ и даже замужними афинянками, которыя своими любезностями, одолженіями старались обеспечить политическую карьеру своихъ мужей. Судя по народной молвѣ, жена Мениппоса выхлопотала для своего мужа такимъ образомъ постъ полководца. Аспазія была злымъ геніемъ Перикла, она внушала ему неосторожную политику и произволь власти. Ему приписывали расхищеніе казны союзниковъ, а также значительные расходы, которыми Периклъ обременялъ бюджетъ столицы для того, чтобы давать работу своимъ друзьямъ, какъ, напримѣръ, Фидію, наконецъ, его непотизмъ и внимание къ своимъ приближеннымъ, Пирилампосу, Хариносу и Мениппосу. (Послѣдній, вопреки принципамъ афин-